

*Г.О. Бабкова (Москва)*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АКТОВ  
ВОЕННО-УГОЛОВНОГО И  
ВОЕННО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО  
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА  
В ЗАКОНОПРОЕКТНЫХ РАБОТАХ  
В РОССИИ XVIII ВЕКА**

**В** ОПРОС о характере использования актов военно-уголовного и военно-процессуального законодательства в кодификационных разработках в России XVIII в. не относится к числу изученных в современной историографии. На данном этапе выявлены технические принципы адаптации основных положений Воинского устава 1716 г.<sup>1</sup> и Морского устава 1720 г.<sup>2</sup> при составлении проекта Уложения в законодательной комиссии 1720-х гг.<sup>3</sup> Однако практически не исследованной остается проблема рецепции указанных источников в законопроектных работах второй половины XVIII в. Как представляется, ее решение позволит более четко обозначить сферу применения Воинского и Морского уставов в качестве источников права.

Во второй половине XVIII в. основная законотворческая активность протекала в Уложенной комиссии 1767–1774 гг.<sup>4</sup>, а затем была продолжена собственными начинаниями Екатерины II, которая за годы деятельности комиссии, скорее всего, разочаровалась в возможности «сразу кодифицировать русское право»<sup>5</sup>. Во второй половине 1770-х гг. императрица приступает к выработке целого ряда предложений по реформированию области уголовного права и процесса. В 1774–1775 гг. она создает проект закона «Об оскорблении величества», в 1779 – второй половине 1780-х гг. составляет проект «Уголовного уложения», а также «Порядка исследования и суда уголовного дела»<sup>6</sup>.

В наибольшей степени влияние военно-уголовного и военно-процессуального законодательства фиксируется в проекте закона «Об оскорблении величества», который в окончательном варианте должен был стать дополнением к «сохранявшим силу основным уголовным законам Петра I»<sup>7</sup>. Как писала императрица, «духовный регламент, морской устав и воинской остаются в свой силы»<sup>8</sup>. Непосредственной причиной, вызвавшей к жизни проект закона «Об оскорблении величества» и обусловившей его тематику, стала сложная внутриполитическая обстановка периода Пугачевского бунта. Работу над проектом Екатерина II вела в течение всего 1774 г. параллельно с созданием «Учреждений для управления губерниями» 1775 г. В бумагах, содержащих один из вариантов первой главы разрабатываемого закона, проставлена дата 9 ноября 1774 г.<sup>9</sup>

Проект закона «Об оскорблении величества» должен был включать 5 глав: «О богохульниках» (может быть названа так лишь условно, в ней собраны различные виды преступлений против религии и церкви), «О церковных мятежниках», «О власти императорской и о преступлении против безопасности государственной и государства», «О поступках противу спокойствия императорского величества и государства и о действиях и словах, противных добронравию и благопристойности», «О доносителях в государственных преступлениях».

Работу над проектом Екатерина II начала с собственноручных выписок из Соборного уложения 1649 г., Воинского и Морского уставов Петра I. Однако, как и при создании «Наказа Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» 1767 г., императрица заимствовала основные нормы и положения предшествующего законодательства не механически, а перерабатывала их в соответствии с собственной уголовно-правовой доктриной, сформировавшейся под сильным влиянием идеологии Просвещения<sup>10</sup>. В наибольшей степени была разработана третья глава проекта закона «Об оскорблении величества» – «О власти императорской и о преступлении против безопасности государственной и государства». Она существует в четырех вариантах:

1. «О государственной чести и как государственное здравие оберегать»<sup>11</sup>.
2. «О преступлении противныя безопасности Государской и государства, именуется оскорблении величества»<sup>12</sup>.
3. «О власти императорской и о преступлении против безопасности государственной и государства»<sup>13</sup>.

4. «О власти императорской. О преступлении против безопасности; власти, спокойствия Императорского величества и Государства и о действия и слова противныя добронравию и благопристойности»<sup>14</sup>.

Как представляется, первоначально были созданы первые два варианта главы, поскольку в них сильнее всего ощущается влияние основных норм и положений Воинского и Морского уставов, а также Соборного уложения 1649 г.

В первом варианте третьей главы «О государской чести и как государское здравие оберегать» Екатерина II предлагает криминализовать умысел «на Государское здравие», предусматривая смертную казнь в качестве санкции за совершение данного действия. На полях императрица выписывает источники, откуда взята эта норма, – «Устав Морск. кн. 5. Арт. 1; войские Арт. 19, 137»<sup>15</sup> (сокращения – Екатерины II). В соответствии с указанными законодательными актами за подобное преступление виновные «яко изменники» должны были быть подвергнуты смертной казни через четвертование и конфискации имущества – «их пожитки движимые и недвижимые взяты будут». Причем в толковании к 19 артикулу подчеркивалось, что санкция не дифференцировалась в зависимости от степени реализации умысла: «воля и хотение» и недонесение о них теми, кто «о том сведом был, а не извещил», также подлежали высшей мере наказания<sup>16</sup>.

Данный состав интересен тем, что в нем явно просматривается отступление от принципа соразмерности наказания преступлению, полагавшегося в качестве одного из основных в уголовно-правовой доктрине, изложенной Екатериной II в «Наказе комиссии о сочинении проекта нового Уложения»<sup>17</sup>. Он предполагал, что основным критерием выбора санкции является реальный вред, причиненный «каждому особенно или всему обществу» (ст. 41)<sup>18</sup>. Первый вариант третьей главы проекта предусматривал высшую меру наказания за голый умысел, частичная декриминализация которого предусматривалась «Наказом» (ст. 480–482)<sup>19</sup>.

Подобная жесткость и некоторый отход от основных положений «Наказа» проистекали, как представляется, из напряженной внутривластной ситуации Пугачевского бунта. Реалии восстания вызвали к жизни и второй криминализуемый в этой главе состав. Он также взят из Воинских артикулов Петра I и определен Екатериной II следующим образом: «С Им[ператорского]

ве[личества] недругом не дружись не переписывайся и помочь ему не чини». За это следовала смертная казнь – «и такова изменника по тому же казнити смертию»<sup>20</sup>.

В качестве третьего состава была выделена «здача изменною» недругу уезда или города, а также тайный прием «зарубежных людей для измены же», за что, как и в предыдущих случаях, полагалась смертная казнь. Появился подобный состав после переработки «устав Морск[ой]» кн. 5. арт. 68, 79, воинский арти[кул] 117, 118, 119, 120, 121, 124, 130, 131, 133, 134, 135»<sup>21</sup>. В соответствии с этими законодательными актами за связи с неприятелем как «изменник чести», так и не донесший на него должны были быть подвергнуты конфискации имущества и смертной казни через четвертование или колесование. При этом воинские артикулы вводили за деяния данного рода коллективную ответственность: за незаконную сдачу городов к смертной казни приговаривался не только начальник гарнизона, но и каждый десятый рядовой, «десятого по жребию повесить»<sup>22</sup>. Екатерина II опускает указанное положение, следуя намеченному в «Наказе» принципу индивидуализированности санкции.

Часть диспозитивного определения состава практически дословно заимствуется императрицей из Соборного уложения 1649 г., выписки из которого так же, как из Воинского и Морского уставов, были специально сделаны для Екатерины II<sup>23</sup>.

<b>Проект закона «Об оскорблении величества»</b>	<b>Соборное уложение. Гл. II. «О государственной чести и как его государственное здоровье оберегать»</b>
А будет кто Императорское величество недругу уезд или город здаст изменною, или кто Императорское величество в уезды или города примет из иных Государств зарубежных людей для измены же, а сыщется про то допряма, и таких изменников казнити смертию <sup>24</sup> .	Ст. 3. Ежели кто город здаст неприятелю изменною, или кто в городе примет из других Государств зарубежных людей для измены и таковых изменников казнити смертию <sup>25</sup> .

Таким образом, в первом варианте 3-й главы проекта закона «Об оскорблении величества» просматривается достаточно сильное,

но не определяющее, влияние петровского законодательства. В отличие от норм Воинского и Морского уставов Екатерина II, во-первых, опустила все, касающееся доносительства, а во-вторых, пошла по пути наложения абсолютно неопределенной уголовной санкции – «казнить смертию», в то время как уставы использовали ее квалифицированные виды.

Отличительной чертой всех последующих вариантов было то, что в первых двух пунктах они давали определение императорской власти и основной обязанности подданных. И то и другое практически дословно заимствовалось Екатериной II из военно-уголовного законодательства Петра I.

<p align="center"><b>Проект закона «Об оскорблении величества». Гл. 3. «О власти императорской и о преступлении против безопасности государственной и государства»</b></p>	<p align="center"><b>Устав воинский. Артикулы. Гл. 3. «О команде, предпочтении и почитании вышних и нижних офицеров, и о послушании»</b></p>
<p>1. О власти императорской. Императорская величества власть есть самодержавная, которая никому на свете о своих делах ответу дать не дол(ж)но силу и власть имеет свой Государства и земли по своей воле и благомнению управлять.</p> <p>2. О должности подданных. Все же подданные всероссийского Государства люди какого бы чина и звания не были суть преимущественно свое намерение употребить к пользы, и службы императорского величества и Отечества<sup>26</sup>.</p>	<p>Арт. 20. Толкование. Императорское величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои Государства и земли яко Христианский государь по своей воле и благочинию управлять.</p> <p>Арт. 18. Имеют и все вышние и нижние люди, кто б они ни были преимущественно свое намерение употребить к пользе и службе Императорскому величеству и Отечеству<sup>27</sup>.</p>

Разница между двумя текстами состоит в том, что в Воинском уставе власть названа «самовластной», в то время как Екатерина II определяет ее как «самодержавную». Это была не просто замена

одного слова другим, а принципиально дихотомичное смысловое наполнение двух терминов. С точки зрения Екатерины II, понятие «самодержавный» было синонимично «умеренной» монархии, обозначенной в качестве идеала государственного устройства в трактате «О духе законов» Ш.-Л. Монтескье, который императрица активно использовала в 1760-е – 1770-е гг.<sup>28</sup> «Самодержавие» являло собой такое государственное устройство, в котором, с одной стороны, вся власть была сконцентрирована в руках монарха, однако, с другой – закон налагал ограничения и определял сферу его деятельности. «Самовластный», «самовластье», наоборот, означали деспотию: в ней правитель зависел только от собственной воли, не признавая никаких иных ограничителей. В представлении Екатерины II указанная характеристика была вполне применима к петровскому царствованию. Императрица полагала, что при Петре I в России «существовал именно деспотический режим», который она оправдывала обстоятельствами начала XVIII в.<sup>29</sup> Данное определение – «самовластный» – было, однако, абсолютно неприемлемо для России второй половины XVIII столетия, когда императрица предпринимала все меры для практического внедрения в жизнь принципов «законной монархии».

Разное понимание характера существующей в России формы правления своим следствием имело различное смысловое наполнение сути преступления и цели наказания. Результатом этого стала значительная переработка Екатериной II предлагавшейся в петровских артикулах системы санкций. Она была трансформирована по двум направлениям: во-первых, в связи с общим целеполаганием пенитенциарной системы в представлении императрицы; во-вторых, исходя из принципа законности, положенного в основание уголовно-правовой доктрины екатерининского царствования.

Значительный интерес в данной связи представляют собственноручные выписки императрицы из Соборного уложения 1649 г., а также Воинского и Морского уставов. Они предшествуют второму варианту третьей главы проекта и представляют экстракты из различных пунктов Соборного уложения и петровских уставов. Содержание и характер заметок свидетельствуют о том, что Екатерине II было важно понять, как трактовалось преступление в оскорблении величества в предшествующем законодательстве, поэтому императрица собственноручно сделала выписки из ряда

пунктов и артикулов, касавшихся этого вопроса. В частности, ею были выписаны:

21 статья 7 главы «О службе всяких ратных людей Московского государства» Соборного уложения, в ней речь идет о преступлениях «государевых дел по должностям отправляющих людей»<sup>30</sup>;

2 артикул 5 книги Морского устава и толкование к нему, по которым смертной казни подлежали «хулительные слова» против особы императорского величества<sup>31</sup>;

18 артикул Воинского устава, предписывавший подвергнуть четвертованию вооружающих войско или умышляющих «полонить или убить» императорское величество<sup>32</sup>;

120, 124, 130, 131, 133, 134-й воинские артикулы, жестоко каравшие прием и распространение «изменнических» манифестов и повелений, «подозрительные непристойные сходбища и собрания», призывы к бунту<sup>33</sup>;

206 артикул Воинского устава, запрещавший утаивать «бунтовщика и изменника»<sup>34</sup>.

На основании вышеперечисленных артикулов и статей Екатерина II составила собственный перечень криминализируемых составов, общий для всех четырех вариантов третьей главы. Проект закона «Об оскорблении величества» запрещал:

- составлять заговоры, в т. ч. вооруженные, с целью завладеть государством и «быть Государем» и приходиться к императорскому величеству «самовольством, скопом, заговором» (п. 3, 4, 5, 9);
- покушаться на жизнь и здоровье монарха (п. 6);
- принимать письменные и словесные манифесты и указы от «Императорского величества злодея и изменника» (п. 7);
- входить в контакты с врагами империи (п. 8);
- предпринимать действия, «из чего бунт возмущенье и измена произойдет» (п. 10);
- сдавать «изменою» уезды или города (п. 11);
- совершать преступления против государственных чиновников (п. 12);
- укрывать бунтовщиков (п. 14);
- не исполнять указы (п. 15);
- совершать противоправные действия на территории дворца (п. 16);
- произносить слова, порочащие честь и достоинство монарха (п. 17);

- разносить «ложные ведомости» (п. 18);
- сочинять подметные письма (п. 19).

Таким образом, в сравнении с предшествующей законодательной традицией проект не вносил ничего нового в перечень криминализируемых составов в преступлениях об оскорблении величества. Новации касались декриминализации слова, наказывавшегося по петровскому законодательству смертной казнью. В данном отношении Екатерина II строго следовала доктринальным положениям «Наказа Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», предписывавшим не видеть преступления в слове, тем более, если оно не «совокуплено» с действием». Это подтверждают собственноручно сделанные императрицей выписки целого ряда статей «Наказа», касавшиеся преследования слова. В частности, она выписала 448, 480–486 статьи, в которых отмечалось, что «ничто не делает преступления в оскорблении Величества больше зависящими от толка и воли другого, как когда нескромные слова бывают онаго содержанием»<sup>35</sup>.

Действительным новшеством проекта стала предлагаемая Екатериной II видовая классификация преступлений в оскорблении величества и система наказаний. В окончательном варианте третьей главы проекта «О власти императорской. О преступлении против безопасности, власти, спокойствия императорского величества и государства и о действии и слова противные добронравию и благопристойности» императрица выделяет следующие виды преступных посягательств:

1. «Против власти и безопасности императорского величества»;
2. «Против безопасности императорского величества», под которым понимались прямые посягательства на жизнь монарха;
3. «Измена», объединившая в себе преступления «против власти императорского величества», «против безопасности империи» и «против спокойствия империи»;
4. «Против власти», куда вошли преступные деяния «против безопасности империи», «против власти императорского величества», «против безопасности государства», «против спокойствия императорского величества»;
5. «Против пристойности и добронравия»<sup>36</sup>.

В результате под преступлениями в оскорблении величества понимались практически только покушения на государственную власть. Подобная градация преступлений в оскорблении величества



и оценка преступного деяния по непосредственному объективно причиненному вреду привела к появлению новой и значительно более мягкой в сравнении с предшествующим законодательством системы наказаний.

Переходным можно считать второй вариант третьей главы «О преступлении противныя безопасности Государской и государства, именуется оскорблении величества». Система наказаний этого варианта практически ничем не отличается от первого «О государственной чести и как государственное здравие оберегать». За исключением того, что умысел на «Государское здравие» карался не смертной казнью, а казнью политической. В этом проявился один из основных принципов уголовно-правовой доктрины Екатерины II – соразмерность санкции количеству реально последовавшего вреда.

Все наказания подразделялись императрицей на три вида, «степени», в зависимости от тяжести содеянного:

- 1) первая степень – казнь, следовавшая за преступления против власти и безопасности императорского величества;
- 2) вторая степень – собственно «наказание», налагавшееся в случаях измены и преступлений против власти;
- 3) третья степень – наказание «простое», исправительное, за преступления против пристойности и добронравия, в т. ч. за непристойные слова против коронованных особ<sup>37</sup>.

Отдельные замечания Екатерины II дают возможность понять, что понималось под той или другой «степенью» наказания. Под казнью, видимо, подразумевались телесные наказания и смертная казнь, первоначально через повешение, о чем свидетельствуют пометки Екатерины II в третьем варианте третьей главы «О власти императорской. О преступлении против безопасности; власти, спокойствия Императорского величества и Государства и о действия и слова противныя добронравию и благопристойности», где во всех случаях совершения противоправных действий, за которые следовала первая степень наказания, написано, а потом зачеркнуто – «повесить»<sup>38</sup>.

Данный вид смертной казни был, как представляется, заимствован Екатериной II из Воинского устава, в 137 артикуле которого содержалось предписание «всякий бунт, возмущение и упрямство без всякой милости имеет быть виселицею казнено»<sup>39</sup>. В последующих вариантах государыня посчитала нужным отказаться

от спецификации вида наказания, считая более целесообразным заменить его общим названием «казнь».

«Наказание» означало каторжные работы, ссылку и тюремное заключение<sup>40</sup>. Так, в одном из вариантов третьей главы за сочинение «непристойных писем» полагалось следующее наказание: «А буде кто учинит тако и про то същется и такого продержателя наказать ссылкой или тюрьмою насколько Государь укажет»<sup>41</sup>. В окончательном варианте сочинение непристойных писем было отнесено к преступлениям, влекущим за собой исправительные санкции. Однако взгляд Екатерины II на «наказание», как, прежде всего, на ссылку и тюремное заключение, остался прежним. Об этом свидетельствуют ее заметки в третьем варианте третьей главы, где под второй степенью наказания написано, а затем зачеркнуто – «со-слать»<sup>42</sup>.

Екатерина II использовала Воинский и Морской уставы Петра I и при создании первой и второй глав проекта закона «Об оскорблении величества» – «О богохульниках» и «О церковных мятежниках».

В первой главе, условно называемой «О богохульниках», выделены следующие криминализируемые составы:

- возведение хулы на Бога, Иисуса Христа, Деву Марию и святых угодников (ст. 1);
- употребление «имени Божиего всуе» (ст. 2);
- препятствование проведению церковной службы прямыми действиями (ст. 3) или разговорами (ст. 4);
- отступление от веры и ересь (ст. 5);
- чернокнижие (ст. 6);
- подача челобитных в церкви (ст. 7);
- проведение во время церковных служб праздников, «банкетов», празднеств и т. п. (ст. 8);
- торговля и вообще всякая «работа» в воскресные дни и «табельные праздники» (ст. 9)<sup>43</sup>.

Помимо этого в одном из вариантов главы под пунктами 5, 6, 7 императрица предполагала криминализировать нанесение побоев и совершение убийства в церкви как квалифицированном месте<sup>44</sup>.

Все составы заимствованы Екатериной II из петровских артикулов. Так, в частности, в одной из редакций 1-й главы ею были выписаны 3, 4, 6 воинские артикулы и 2, 3, 5 артикулы Морского устава (Кн. 4), предписывавшие смертную казнь через отсечение

головой за умышленное богохульство и четырнадцатидневное содержание под стражей и штраф в размере месячного жалования за неумышленное<sup>45</sup>.

Система наказаний, предложенная Екатериной II, значительно отличалась от петровской и базировалась на стремлении выделить собственно религиозные преступления из сферы государственной юрисдикции. В проекте закона под религиозными преступлениями понимались только те, которые стремились «прямо противу закона», т. е. отступление от церкви и ересь, которые по проекту подлежали юрисдикции церковного суда<sup>46</sup>. Даже в случае обвинения в чернокнижии, каравшегося по петровскому законодательству смертной казнью через сожжение, наказанию подлежал только человек, совершивший реальный вред, ставший следствием обмана. При этом Екатерина II отдельно подчеркивала, что санкция за деяния подобного рода должна налагаться «по гражданским законам»<sup>47</sup>.

Следствием этого явилось и достаточно символическое применение смертной казни. Сожжением должно было караться «возложение хулы на Господа Бога» (ст. 1)<sup>48</sup>. Однако высшая мера наказания элиминировалась и заменялась церковными санкциями – «и такого отослать для исправления и поучения к Епархиальному Архиерею», – если во время следствия или «у смертной казни» преступник приносил покаяние<sup>49</sup>. Все остальные выделяемые в проекте церковные правонарушения предлагалось квалифицировать как «смущение упражнения в законе» и наказывать «исключением из сообщества верных»<sup>50</sup>. Оно могло также сопровождаться тюремным заключением на месяц (ст. 4)<sup>51</sup> или на три дня (ст. 7)<sup>52</sup>, ссылкой (ст. 3)<sup>53</sup> и денежным штрафом в размере «суточного содержания нищаго» (ст. 2, 8, 9)<sup>54</sup>.

Собственно уголовные преступления, т. е. убийства и нанесение тяжких телесных повреждений на территории церкви, подлежали юрисдикции светского суда и карались в соответствии с общей системой санкций, предлагаемой Екатериной II в проекте закона: в зависимости от тяжести содеянного они подлежали «первой» или «второй степени» наказания<sup>55</sup>.

Основные положения второй главы проекта «О церковных мятежниках», содержавшей в себе всего две статьи, запрещавшие действием и словами препятствовать проведению церковной службы, по сути, дублировали статьи 3 и 4 предыдущей главы. В первом

случае «безчинник» приговаривался к тюремному заключению на полгода, а во втором – наказание должно было налагаться в соответствии с воинскими артикулами Петра I, каравшими за подобное «арестом у профоса», а в случае рецидива отстранением от службы и разжалованием в рядовые<sup>56</sup>.

Произведенный анализ характера использования актов военно-уголовного и военно-процессуального законодательства в законопроектных работах второй половины XVIII в. позволяет с полным основанием утверждать, что Воинский и Морской уставы рассматривались в качестве действующих источников не только в сфере военного права. Законодатель в полной мере считал возможным реципирование содержащихся в них диспозитивных определений и системы санкций для конструирования области преступных покушений против власти, религии и церкви. При этом процесс адаптации предполагал приведение заимствованных норм в соответствие с новой уголовно-правовой доктриной, в рамках которой была четко обозначена интенция власти по модернизации всей системы законодательства и права. Указанная тенденция актуализирует необходимость более детального изучения характера применения источников военно-уголовного и военно-процессуального права в судопроизводственной практике гражданских судов в России XVIII в., которая могла регулироваться принципом, в 1765 г. изложенным Сенатом: «ныне чего в военных процессах не достает, одолживаются гражданскими правилами, а чего в гражданских недостаточно, то заимствуют из военных процессов»<sup>57</sup>.

*Автор выражает глубокую благодарность доктору исторических наук Дмитрию Олеговичу Серову за помощь в публикации данного материала.*

---

<sup>1</sup> ПСЗРИ. 1-е собр. Т. V. № 3006. С. 203–453.

<sup>2</sup> Там же. Т. VI. № 3485. С. 2–116.

<sup>3</sup> Замуруев А.С. Приемы и методы кодификации при подготовке проекта Уложения Российского государства в 20-е года XVIII в. (на примере глав о противоцерковных преступлениях) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 25. М., 1994. С. 117–126; Он же. К вопросу о подготовке проекта Уложения Российского Государства в 20-х годах XVIII в. (принципиальные и технические основы кодификации на примере главы «О богоухульниках и церковных мятежниках» // Замуруев А.С. Работы разных лет. Псков, 2006. С. 27–41; Он же. Отражение динамики внутривнутриполитического курса российских самодержцев

в процессе кодификации отечественного права в XVIII и 1-й пол. XIX вв. // Там же. С. 140–141.

<sup>4</sup> Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 150–190.

<sup>5</sup> Лапо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 12.

<sup>6</sup> Екатерины II. Избранное / [автор вступ. ст. А.Б. Каменский, сост., автор коммент. Г.О. Бабкова]. М., 2010. С. 370–449, 451–469; Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII века. М., 2004. С. 157–177.

<sup>7</sup> Омельченко О.А. Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII века // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики: Сб. статей. М., 1986. С. 34.

<sup>8</sup> РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 127.

<sup>9</sup> Там же. Л. 116.

<sup>10</sup> Фельдштейн Г.С. Уголовно-правовые идеи «Наказа» и их источники // Юридические записки. Вып. 2. Ярославль, 1908. С. 281–330; Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. С. 293–295.

<sup>11</sup> РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 87–87 об.

<sup>12</sup> Там же. Л. 105–105 об.

<sup>13</sup> Там же. Л. 66–68 об.

<sup>14</sup> Там же. Л. 70–71.

<sup>15</sup> Там же. Л. 87.

<sup>16</sup> ПСЗРИ. 1-е собр. Т. V. № 3006. С. 325.

<sup>17</sup> «Наказания, чинимые за оные [преступления], должны быть производимы из особого каждому преступлений роду свойства» (Екатерина II. Наказ комиссии о сочинении проекта нового Уложения // Екатерина II. Избранное. С. 121).

<sup>18</sup> Там же. С. 118.

<sup>19</sup> Там же. С. 173.

<sup>20</sup> Там же. С. 173.

<sup>21</sup> РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 7 об.–8.

<sup>22</sup> ПСЗРИ. 1-е собр. Т. V. № 3006. С. 354.

<sup>23</sup> РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 74–82.

<sup>24</sup> Там же. Л. 87.

<sup>25</sup> Соборное уложение 1649 г. М., 1961. С. 72.

<sup>26</sup> РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 86–86 об.

<sup>27</sup> ПСЗРИ. 1-е собр. Т. V. № 3006. С. 324–325.

<sup>28</sup> Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М., 1999. С. 23, 30, 56, 57, 181.

<sup>29</sup> Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. М., 1999. С. 342.

<sup>30</sup> РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 88 об.

<sup>31</sup> «Кто против Им[ператорского] вел[ичества] особы хулительными словами погрешит, его действия и намерение препятствовать, или указ презирать или непристойным образом о том разсуждать будет, оный имеет быть живота лишен. Толкованье.

Ибо Импер[аторское] ве[личество] есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах отчету дать не должен, но силу и власть имеет свои Государства и земли яко Христианский государь по своей воле и благомнению управлять, и яко же о Им[ператорского] вел[ичества] здесь упомянуто, разумеется тако и о Императорской фамилии» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 88 об.–89).

- <sup>32</sup> Там же. Л. 89 об.–90.  
<sup>33</sup> Там же. Л. 89 об.–90 об.  
<sup>34</sup> Там же. Л. 93.  
<sup>35</sup> Там же. Л. 93 об.–95.  
<sup>36</sup> Там же. Л. 70–71.  
<sup>37</sup> Там же. Л. 67 об.–68.  
<sup>38</sup> Там же. Л. 66–66 об.  
<sup>39</sup> ПСЗРИ. 1-е собр. Т. V. № 3006. С. 360.  
<sup>40</sup> РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 66 об.–67.  
<sup>41</sup> Там же. Л. 72.  
<sup>42</sup> Там же. Л. 66 об.  
<sup>43</sup> Там же. Л. 113, 114, 117–120.  
<sup>44</sup> Там же. Л. 108.  
<sup>45</sup> Там же. Л. 112.  
<sup>46</sup> «А буде учиниться токо и про то сыскивати допряма и отослать к духовным властям для учинения по правилам Святых Апостолов и Святых Отец» (Там же. Л. 114).  
<sup>47</sup> Там же.  
<sup>48</sup> Там же. Л. 113.  
<sup>49</sup> Там же.  
<sup>50</sup> Там же. Л. 106, 113.  
<sup>51</sup> Там же. Л. 114.  
<sup>52</sup> Там же. Л. 108.  
<sup>53</sup> Там же. Л. 107, 113.  
<sup>54</sup> Там же. Л. 113, 117.  
<sup>55</sup> Там же. Л. 108.  
<sup>56</sup> Там же. Л. 106–107.  
<sup>57</sup> Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Ч. 5. Л. 48.